
**ЭДВАРД
ЛЮТТВАК**

**СТРАТЕГИЯ:
ЛОГИКА ВОЙНЫ И МИРА**

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Мировой порядок

Эдвард Люттвак

Стратегия. Логика войны и мира

«Издательство АСТ»

1987, 2001

УДК 355.43
ББК 68.2

Люттвак Э. Н.

Стратегия. Логика войны и мира / Э. Н. Люттвак —
«Издательство АСТ», 1987, 2001 — (Мировой порядок)

ISBN 978-5-17-137015-2

Эдвард Люттвак – известнейший специалист по военной стратегии и геополитике. Работал консультантом в Совете национальной безопасности и в Государственном департаменте США, был советником президента Рональда Рейгана. Создатель геοэкономики – раздела геополитики, где исследуется экономическая ситуация в различных странах с целью повышения влияния государства с позиций его экономической мощи и обеспечения достижения внешнеполитических целей, мирового или регионального могущества экономическим путем. В книге «Стратегия: Логика войны и мира» рассказывается о «парадоксальной» логике, лежащей в основе стратегического мышления. Обсуждаются четыре уровня стратегии: техника, тактика, оперативное искусство, стратегия театра военных действий и большая стратегия. Автор анализирует войны нового типа – «постгероические войны», порожденные страхом потерь и желанием избежать их любой ценой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 355.43

ББК 68.2

ISBN 978-5-17-137015-2

© Люттвак Э. Н., 1987, 2001
© Издательство АСТ, 1987, 2001

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие к изданию 2016 г	8
Часть 1	9
Введение	9
Глава 1	11
Цена внезапности	12
Риск	14
Трение	15
Преобладание парадоксального действия	18
Глава 2	21
Кульминация и взаимообращение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эдвард Люттвак

Стратегия: логика войны и мира

Посвящается моему сыну Джозефу Эммануилу

Серия «Мировой порядок»

Edward N. Luttwak

Strategy: The Logic of War and Peace, Revised and Enlarged Edition

Перевод с английского *В. Желнинова*

Печатается с разрешения the Edward N. Luttwak, Inc. (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© The President and Fellows of Harvard College, 1987, 2001

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие к первому изданию

Возможно, причина в том, что я родился в спорном пограничье Трансильвании во время самой крупной и кровопролитной войны в истории человечества, но стратегия всегда меня привлекала и сделалась моей страстью. Конечно, вряд ли подобает так говорить о предмете, столь неопределенном и столь провоцирующем к распрям. Однако настоящая книга призвана помочь в постижении внутреннего смысла стратегии, и любые оправдания становятся лишними, стоит осознать, что на логику стратегии опирается не только развязывание войн, но и поддержание мира.

В данной книге не предлагается никаких подсказок для выстраивания политики – ни для Соединенных Штатов Америки, ни для любой другой страны на мировой арене, равно как и не содержится «рецептов» правильного использования вооруженных сил. Моя цель, скорее, состоит в том, чтобы раскрыть универсальную логику, которая обуславливает все формы войны и все противоборства народов, даже в мирное время. Все, на что люди способны, какими бы абсурдными или саморазрушительными, великолепными или отвратительными ни были эти поступки, давным-давно уже сделано в войне и в государственном управлении, а в самих поступках нельзя обнаружить и намека на логику. Но логика стратегии проявляется в последствиях дел (или недеяния); именно исследуя эти последствия, зачастую непреднамеренные, мы в состоянии понять природу и работу логики.

Теперь критически настроенный читатель вправе усомниться в непомерности амбиций такого исследования. Поскольку события войны и мира слишком уж спонтанны для того, чтобы их можно было поверить наукой и отыскать единственно правильное значение, то есть вывести действительно непогрешимые теории, можно предполагать, что дальнейшее изложение будет пестреть банальностями или, хуже того, окажется бессмысленным нагромождением псевдонаучных истин. Искренне прошу подождать с вынесением приговора до последней страницы – и на всякий случай вношу необходимое пояснение.

Долгий путь к манящему месту назначения начинался вовсе не с постановки упомянутой амбициозной цели. Читая военно-историческую литературу, изучая в подробностях историю Римской и Византийской империй, занимаясь профессиональной деятельностью кабинетного военного аналитика и улаживая в полевых условиях различные конфликтные ситуации, я, подобно своим предшественникам, пришел к выводу, что опыт каждой войны уникален, что это всегда итог уникального сочетания политических целей, преходящих эмоций, технических ограничений, тактических приемов, оперативных схем и географических факторов. Но все же с годами начали выявляться соблазнительные совпадения, которые выстраивались во все более строгие закономерности, причем некоторые из них уже были отмечены в исследовательской стратегической литературе, прежде всего в знаменитой книге Клаузевица¹, а вот другие, как казалось, оставались вне поля зрения. В предпринятых исследованиях манило то, что выявленные закономерности не соответствовали привычным ожиданиям и не упорядочивались какой-либо знакомой и очевидной логикой причин и следствий.

Видение стратегии возникло из массы прочитанных слов, изученных ситуаций и реально прожитых военных событий, и я обнаружил, что в этом видении присутствует вовсе не прозаический набор банальностей, а обилие парадоксов, ироний и противоречий. Более того, логика стратегии как будто разворачивалась в двух измерениях – это «горизонтальные» противоречия тех, кто стремился одолеть, сдержать и победить друг друга (благодаря чему стратегия и стала парадоксальной), и «вертикальное» взаимодействие на различных уровнях конфликтов –

---

¹ Имеется в виду работа К. фон Клаузевица «О войне» (см. Библиографию). – *Примеч. перев.*

техническое, тактическое, оперативное, стратегическое и еще более высокое, лишенное естественной гармонии.

Коротко говоря, я предлагаю маршрут для исследования. Путь начинается с описания ряда столкновений с динамическими силами «горизонтального» измерения; далее мы идем вверх, уровень за уровнем, по «вертикальному» измерению стратегии и достигаем точки, в которой оба измерения сливаются в большой стратегии окончательных результатов.

Предисловие к изданию 2016 г

Когда рукопись этой книги отправилась в типографию, это не означало, что я бросил изучать стратегию и войну как явление, что я перестал заниматься аналитической работой в полевых условиях и в должности советника по государственной безопасности. Под влиянием теории и практики моя исходная идея продолжала развиваться, принося новые плоды, которые нашли отражение в пересмотренном издании 2001 года, а ныне дополнили пересмотренное и обновленное издание 2016 года. Среди этих плодов нужно выделить концепцию «геоэкономики», то есть проникновения воинственных настроений и способов противостояния в отдельные области международной торговли; еще отмечу как новое концепцию «постгероической войны» – так я обозначаю новейшее стремление сражаться практически без потерь и его неожиданные последствия, включая сюда дистанционно управляемую «войну беспилотников»; прибавлю также изучение основных источников стратегического мышления, анализ последствий войн, которые прерываются вмешательством извне, и (это совершенно другое) переоценку потенциала и серьезных ограничений авиабомбардировок вследствие развития систем наведения. Если коротко, структура книги осталась прежней, значительная часть текста была написана заново, а остальное подверглось тщательной переработке и обновлению. Ни окончание холодной войны, ни возвышение Китая, ни широкомасштабные вспышки исламистского насилия по всему миру не способны изменить логику стратегии. Тем не менее новые обстоятельства требуют нового набора примеров, да и отдельные недавние технические достижения заслуживают отдельного рассмотрения. Кроме того, я постарался вычеркнуть из текста наиболее темные места; надеюсь, теперь мое сочинение больше не воспринимается как повторный перевод с немецкого.

Часть 1

Логика стратегии

Введение

Si vis pacem, para bellum: «Хочешь мира – готовься к войне» – так гласит римская поговорка, которую до сих пор охотно цитируют ораторы, рассуждающие о пользе мощного вооружения. Нам твердят, что надлежащая боеготовность отражает те нападения, каковые провоцируются слабостью, и тем самым сохраняет мир. При этом, конечно, столь же справедливо утверждение, что надлежащая боеготовность может обеспечить мир совершенно иным способом – убедив слабого сдаться сильному без боя. Древнеримское изречение, изношенное и затертое долгим словоупотреблением, давно уже перестало стимулировать наше мышление, однако именно сама его банальность поучительна: в этой парадоксальной фразе скрывается вопиющее противоречие, которое подается так, будто оно есть строгое логическое высказывание (чего едва ли можно ожидать от простой банальности).

Почему же это противоречивое высказывание принимается столь безоговорочно и даже игнорируется как самоочевидное? Разумеется, кое-кто с ним не соглашается, и целая академическая дисциплина «изучения мира»² опирается на утверждение, что мир нужно изучать как самостоятельное явление и активно трудиться ради него в реальной жизни: Si vis pacem, para pacem, или «Хочешь мира – готовься к миру», как могли бы сказать приверженцы этой дисциплины. Но даже те, кто отказывается от упомянутого выше парадоксального совета, не отвергают его как самоочевидное глупое противоречие, опровергаемое здравым смыслом. Напротив, они рассматривают его как пример ошибочной общепринятой мудрости и противопоставляют ей идеи, которые сами считают новаторскими и небанальными.

Значит, вопрос остается в силе: почему указанное вопиющее противоречие принимается столь охотно? Вдумайтесь в абсурдность подобного совета в любой области жизнедеятельности за пределами стратегии: «Если хочешь А, стремись к Б, его противоположности», то есть «если хочешь похудеть, ешь побольше», «если хочешь стать богатым, зарабатывай меньше»! Конечно, мы категорически отвергли бы такие наставления. Но в царстве стратегии, которое охватывает поведение людей и последствия их отношений в контексте фактических или возможных вооруженных конфликтов³, мы научились принимать парадоксальные высказывания как обоснованные. Нагляднейшим примером здесь выступает понятие ядерного «сдерживания», настолько глубоко усвоенное в годы холодной войны, что многим ныне оно кажется прозой жизни. Чтобы защищаться, мы должны быть готовы напасть в любое время. Чтобы извлечь выгоду из ядерного оружия, нельзя им пользоваться, пусть изготовление и поддержание ядерного арсенала обходится недешево. Быть готовым к нападению ради «возмездия» – это доказательство мирных намерений, но возведение противоядерной защиты свидетельствует об агрессии, оно как минимум «провокативно», если исходить из общепринятых взглядов. Споры о безопасности в рамках ядерного сдерживания снова и снова разгорались во время холодной войны, и, конечно, возникало немало препирательств по всем отдельно взятым вопросам поли-

---

² Эта социальная наука получила развитие в 1960-х гг. и постепенно обрела международное признание; с 1973 г. действует Общество изучения мира, а с 2001 г. – Ассоциация изучения мира и справедливости. – *Примеч. перев.*

³ У стратегии множество определений, но ни одно из них не является полностью приемлемым. Под этим словом понимают и доктрину, и простой план, и описание какой-либо повседневной практики, и совокупность теорий. См. Приложение 1, где приводится ряд наиболее типичных определений стратегии.

тики в области ядерного вооружения. Но явным парадоксам, составлявшим саму суть ядерного сдерживания, было суждено остаться незамеченными.

Здесь я намерен выдвинуть следующее положение: стратегия не просто включает в себя то или иное парадоксальное высказывание, вопиюще противоречивое, но признаваемое обоснованным; скорее, *вся область стратегии пронизана парадоксальной логикой*, принципиально отличной от обычной, «линейной» логики, которой мы руководствуемся во всех остальных областях жизни. Когда конфликт отсутствует или видится незначительным для производства и потребления, для коммерции и культуры, для социальных или семейных отношений и для согласованного управления⁴, то есть когда борьба и конкуренция в большей или меньшей степени сдерживаются законами и обычаями, преобладает непротиворечивая линейная логика, суть которой составляет простой здравый смысл. С другой стороны, в области стратегии, где человеческие отношения обусловлены реальным или возможным вооруженными конфликтами, действует совсем другая логика, обыкновенно нарушающая ординарную линейную логику за счет объединения и переосмысления противоположностей. Потому-то и вознаграждается парадоксальное поведение, а обычные линейно-логические действия отвергаются; последствия бывают курьезными и даже смертельно опасными.

---

⁴ Политика репрессий, напротив, всегда воинственна, даже если избегает кровопролития. Во всех своих проявлениях она напоминает военные действия, предлагает собственные версии нападения и обороны, набегов и ударов из засады. Как на настоящей войне, здесь важны соблюдение тайны и обман: полиция старается внедриться в диссидентские круги обманом, а для диссидентов тайна является залогом выживания, тогда как внезапность необходима для успеха любого предприятия.

Глава 1

Осознанное применение парадокса на войне

Рассмотрим обычный тактический выбор из разряда тех, которые часто встают на войне. Чтобы достичь цели, наступающее войско должно выбрать одну из двух дорог, хорошую и плохую: первая – широкая, прямая и вымощенная, тогда как вторая, грунтовая, узка и извилиста. Только в парадоксальном царстве стратегии вообще возможен такой выбор, ведь лишь на войне плохая дорога может оказаться хорошей именно потому, что она плоха и ее менее усиленно охраняют, а то и вовсе оставят без охраны. А вот хорошая дорога может оказаться плохой как раз потому, что она гораздо лучше, значит, именно по ней следует ожидать наступления противника и выставить там заслон. В этом случае парадоксальная логика стратегии стремится к крайности, полностью изменяя противоположности: А не движется к своей противоположности Б (например, подготовка к войне предположительно готовит мир), но в самом деле становится Б, а Б превращается в А.

В этом примере нет преувеличения. Напротив, парадоксальное предпочтение неэффективных методов действия, будь то приготовления, якобы незавершенные, нападения, якобы чрезмерно рискованные, сражения ночью или в скверную погоду, суть вполне обычные проявления тактической изобретательности, причем по причине, проистекающей из самой природы войны. Каждый отдельный элемент стратегии сам по себе может быть достаточно простым для хорошо обученного отряда – передислокация из одного места в другое, использование оружия способами, изученными сотни раз на тренировках, передача и выполнение четко сформулированных приказов, – однако совокупность всех этих простых действий может обрести предельную сложность при столкновении с живым врагом, который желает отразить любые поползновения неприятеля собственными силами и собственным умом.

Во-первых, имеются сугубо механические осложнения, которые возникают, когда действие наталкивается на противодействие неприятеля, как в морских сражениях эпохи парусных флота, когда каждая сторона пыталась бортовым залпом сокрушить носы или корпуса вражеских кораблей, или как в классической воздушной битве истребителей, когда каждый пилот стремится зайти в хвост противнику, или как постоянно происходит в наземной войне, когда сильные фронты отягощены слабыми флангами и еще более слабым тылом, что порождает взаимные попытки обойти с фланга и проникнуть за линию фронта. Думать быстрее врага, оказаться умнее в планировании действий – эти умения могут пригодиться (хотя, как мы увидим, хорошая тактика может сделаться плохой), но сами по себе они не в состоянии преодолеть элементарную сложность, обусловленную тем, что враг пользуется собственными силами, собственным смертоносным оружием, собственными умом и волей. При смертельной угрозе даже простейшее действие, усиливающее опасность, не будет выполнено до тех пор, пока комплекс таких «неосознанных» составляющих, как личный боевой дух, сплоченность группы и лидерство, не возобладает над индивидуальным инстинктом выживания. Когда решающее значение всех этих неосознанных составляющих в том, что происходит или не происходит, в конце концов осознается, тогда перед лицом живого и реагирующего врага исчезает всякая простота даже элементарных тактических действий.

Чтобы добиться преимущества над врагом, который неспособен отреагировать, будучи захваченным врасплох и не готовым, или хотя бы над таким врагом, который не может отреагировать своевременно и в полную силу, годятся любые парадоксальные решения. Вопреки общепринятому мнению относительно наилучшего и наиболее эффективного (скажем, короткий путь предпочтительнее длинного, дневной свет предпочтительнее ночной суматохи, тщательная подготовка предпочтительнее поспешной импровизации и т. д.), скверное решение порой принимается сознательно – в надежде на то, что подобный шаг будет неожиданным для врага и

снизит его способность сопротивляться. Внезапность на войне может быть признана ровно тем, чем она и является: не просто одним преимуществом среди многих, наряду с материальным превосходством или лучшей исходной позицией, но, скорее, *нарушением (пусть временным и частичным) всего предсказуемого содержания стратегии*. Ведение войны против врага, который не реагирует (или, что более реалистично, в пределах пространства и времени, достигнутых благодаря внезапности), становится всего-навсего вопросом управления, настолько же простым на практике, насколько простым видится в теории каждый из его элементов.

На этот принцип ведения войны опирается одна из влиятельных доктрин военного дела⁵, но совет принимать парадоксальные решения всякий раз, когда это возможно ради военных действий по «линии наименьших ожиданий», обычно игнорируют – и не без веских оснований.

Цена внезапности

За каждый парадоксальный выбор, сделанный ради того, чтобы застать врага врасплох, приходится платить, и нередко он по необходимости ведет к потере сил и ресурсов. В наземном бою более долгий или трудный путь утомляет живую силу, увеличивает износ транспортных средств и требует больших припасов; а если подход к месту сражения долог или затруднен, возрастает число отставших, которые не доберутся до поля боя в нужное время. Даже располагая наилучшими приборами ночного видения, ночью отряды не состояниии разворачиваться, передвигаться или пользоваться оружием так же эффективно, как днем, и потому какая-то (возможно, большая) часть наличных сил в ходе сражения может оказаться менее полезной или вовсе бездействовать. Точно так же ради того, чтобы опередить ожидания врага, который полагается на собственный расчет времени на подготовку, обычно нужны различные спонтанные решения и импровизации, мешающие полностью использовать живую силу и технику, которые в ином случае могли быть задействованы в сражении. Рассуждая более обобщенно, все формы маневрирования, то есть парадоксальных действий с целью обойти превосходящие силы врага и воспользоваться его слабостями, имеют свою цену, независимо от условий и природы сражения. (Слово «маневр» часто употребляют неверно, подразумевая простое передвижение сил. На самом деле никакого передвижения может и не быть, но действие будет парадоксальным, ведь враг готовится к отражению ожидаемой атаки.)

Что касается секретности и обмана, тех двух факторов внезапности, что обычно закладываются в маневрирование, они тоже требуют некоей платы. Строжайшая секретность часто рекомендуется воюющим, причем так, будто она ничего не стоит, однако враг крайне редко и вправду ничего не знает о готовящемся действии (если, конечно, при подготовке не принесена в жертву значительная часть мероприятий). Излишне строгие меры безопасности способны нанести урон боеготовности и тщательной организации войск, вовлеченных в предстоящее сражение, ограничить сбор разведывательных данных и сузить масштаб планирования за счет опыта, который может оказаться полезным; они стесняют размах и реализм учений, которые призваны повысить качество операций во многих видах сражений и которые особенно необходимы, если предстоящая акция сложна по своей сути, например, при высадке десанта или в досконально проработанных вылазках коммандос. Разумеется, всякое ограничение в осведомленности войск ради внезапности ставит эти войска в менее выгодную позицию, чем та, которую они могли бы занять при иных обстоятельствах.

Например, одной из причин провала операции «Пустыня-1» 25 апреля 1980 года, целью которой было освобождение дипломатов США, взятых в заложники в Иране, стали очень строгие меры секретности (впоследствии сочтенные чрезмерными): они не позволили провести

⁵ См. теорию не прямых действий Б. Лиддел Гарта; его мысли на сей счет разбросаны по написанным им биографиям, книгам и статьям. Связное изложение этой теории см. в: *Brian Bond, Liddell Hart (1977)*, стр. 37—613. (Рус. пер. основного труда Лиддел Гарта: *Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий*. М.: АСТ, 2003. – *Примеч. перев.*)

совместные учения подразделений армии, ВВС и Корпуса морской пехоты США, привлеченных к этой операции. Военные собрались только на месте, в отдаленной пустынной местности на юго-востоке Ирана, что имело катастрофические последствия: процедуры не были согласованы друг с другом, цепочка командования не выстроена, приказы понимались неверно или попросту игнорировались.

В гораздо более широких масштабах такие наступательные операции, как немецкое вторжение в СССР 22 июня 1941 года (план «Барбаросса») и японский воздушный налет на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года, успешно застигли противника врасплох лишь потому, что нападающая сторона пожертвовала тщательной подготовкой, которая могла бы выдать ее намерения⁶. Вообще, на войне ничего нельзя добиться бесплатно. Секретность редко бывает полной, и утечке правдивых сведений можно противопоставить обман в надежде на то, что «сигналы», порождаемые подготовкой к действию, будут поглощены «помехами», которые возникают из-за потока сбивающей с толка, устаревшей или посторонней информации (эти инженерные термины вошли в стратегическую терминологию благодаря исследованиям внезапности, предпринятым Робертой Вольштеттер)⁷.

Обман порой достигает цели без потери сил, посредством только хорошо спланированной лжи. Но чаще он требует серьезных диверсионных акций, вводящих в заблуждение внимательного врага: поскольку они приносят мало или совсем не приносят пользы для реализации намеченного плана, то отвлекают на себя внимание. Бомбардировщики, отправленные атаковать второстепенные цели для прикрытия тех самолетов, которые направляются к главной цели, все же причинят некоторый ущерб, пусть и не критический, но корабли, совершающие обманный выход в море и обязанные вернуться домой, едва враг возьмет курс в их направлении, могут не внести равным счетом никакого вклада в битву. Обыкновенно использование (пассивных) манекенов и (активных) моделей, от мнимых танков и орудий или целых подразделений до летающих и плавающих макетов, имитирующих отдельные самолеты или подводные лодки, обходится гораздо дешевле, чем реальные объекты, но тем самым отвлекаются ресурсы, которые в ином случае увеличили бы реальные силы. Сказанное справедливо в отношении самой успешной кампании по введению противника в заблуждение в современной военной истории – применительно к высадке десанта в Нормандии в июне 1944 года, в «День Д». Немецкие шпионы поверили в дезинформацию и сообщали, что союзники высадят основные силы гораздо севернее по Па-де-Кале; этот обман почти ничего не стоил, зато имел долгосрочные последствия: даже после «Дня Д» немцы считали высадку десанта в Нормандии приманкой и ожидали нападения у Кале, в месте, наименее отдаленном от побережья Великобритании. При этом пришлось изготовить большое количество дорогостоящих макетов, чтобы и воздушная разведка немцев отрапортовала, что многочисленные армии готовятся пересечь Ла-Манш (тут усилия союзников оказались напрасными, ибо тихоходные разведывательные самолеты люфтваффе уже не могли прорваться сквозь британскую систему ПВО).

Все, что совершается посредством парадоксального действия, а также секретности и обмана, обязательно ослабляет общие усилия, причем иногда в значительной степени, но внезапность непременно сказывается всякий раз, когда реакция врага ослабляется в куда большей степени. Теоретически внезапность лучше всего достигается через действия предельно парадоксальные, якобы вплоть до полного саморазрушения: используем почти все имеющиеся в наличии силы, чтобы сбить противника с толка, оставляя лишь малую часть для реальной битвы. Враг, несомненно, будет изумлен, но операцию, скорее всего, ожидает крах, даже если мы столкнулись с неподготовленным противником. Очевидно, что парадоксальный путь

⁶ Некоторые немецкие части намеренно задержались с выдвижением, а японцы старательно избегали чрезмерной активности в воздухе, чтобы отсутствие их авианосцев в портах осталось незамеченным.

⁷ См. Pearl Harbor: Warning and Decision (1976). (Р. Вольштеттер (Волстеттер) – американская исследовательница, сотрудница корпорации «РЭНД», одной из ведущих «фабрик мысли» США. – *Примеч. перев.*)

«наименее ожидаемого» должен завершаться ранее, чем покажется грань саморазрушительной крайности, однако здесь уже вступают в дело вероятностные расчеты, лишенные надежности и точности.

Риск

При совершении осознанно парадоксального действия некоторая часть силы будет потеряна наверняка, но на успех в реальном достижении внезапности можно лишь надеяться. Цену парадоксального действия при этом возможно точно рассчитать, однако вероятность и масштабы выгоды должны оставаться неопределенными до завершения дела. Теоретически, по крайней мере, риск тоже поддается исчислению, и существует отдельная научная дисциплина (и профессия) – анализ рисков. Но провалы в достижении внезапности наносят урон и чреваты катастрофой не только потому, что часть сил осознанно приносится в жертву и не участвует в бою (это отправная точка всех расчетов в управлении рисками), но и вследствие психологического потрясения, вызванного расхождением между оптимистическими ожиданиями и суровой реальностью. Тот, кто замышляет внезапное нападение, во многом мыслит подобно биржевому игроку, который сознательно вкладывается в «рисковые» ценные бумаги. Оба могут проиграть, но никакому биржевому игроку не потребуется вступить в смертельный бой сразу после того, как станет ясно, что надежды на легкий успех не развеялись в дым. Кровавопролитнейшие поражения Первой мировой войны, самым известным из которых стал разгром наступления Нивеля в 1917 году⁸, сокрушивший французскую армию, оказались результатами неудавшихся попыток достичь внезапности. Негибкие военные планы, по которым сражения подпитывались все новыми и новыми частями (при наличии железных дорог и наземной телефонной связи большей гибкости ожидать не приходилось), обернулись бойней, когда выяснилось, что у врага уцелело достаточно живой силы после массированной артподготовки (предполагаемого средства достижения внезапности) и что наступающую пехоту косит пулеметный и минометный огонь.

Неудачная попытка застать противника врасплох была также главной причиной поражения немцев в битве под Курском в июле 1943 года, – как считается, это поворотная точка Второй мировой войны в Европе. Сильнейшие немецкие части, включая все три бронетанковые дивизии СС, общей численностью в 2000 танков, отправили в бой, чтобы с обеих сторон отрезать так называемую Курскую дугу – выступ шириной до 200 километров у Курска. На карте этот огромный выступ выглядел крайне уязвимым. Но вместо стремительного продвижения и легкой победы немцев ожидала ловушка из многих линий тщательно подготовленных противотанковых сооружений, защищенных густыми минными полями. Глубже затаились крупные советские танковые подразделения, готовые к контратаке. В развернувшейся схватке Советская армия впервые разгромила немцев в маневренном танковом бою, который ранее признавали излюбленным способом боевых действий вермахта. Обескровленный противник потерял множество бойцов, танков и самоходных артиллерийских установок (от мин и противотанковых ружей) еще до начала лобового столкновения с советскими танками, а потому лишился веры в себя: стало очевидным, что третье и последнее летнее немецкое наступление в этой войне целиком провалилось в намерении застать врага врасплох.

Советская разведка сумела раскрыть немецкий план благодаря шпионам, фронтовым разведчикам, воздушной рекогносцировке и плодам англо-американских усилий по перехвату информации (к тому времени значительная часть немецкого радиообмена без труда расшифровывалась). Справившись с сомнениями и подозрениями, Сталин и его высшее командование

---

⁸ Французский генерал Р. Нивель, назначенный в декабре 1916 г. главнокомандующим, разработал план разгрома немецких войск, предполагавший «победу Франции за 48 часов». В апреле 1917 г. французы предприняли наступление по этому плану, но были отброшены с колоссальными потерями (почти 200 000 убитых и раненых). – *Примеч. перев.*

рискнули поверить данным разведки (в прошлом те бывали катастрофически ошибочными) и ослабить другие участки линии фронта протяженностью более 1000 миль, чтобы обеспечить надежную защиту Курского сектора. Немецкая армия так и не оправилась от этого поражения: после лета 1943 года она могла сопротивляться неудержимому наступлению советских войск только посредством локальных контратак, лишившись возможности проводить более крупные наступательные действия, сулившие хоть какую-то надежду на победу.

Трение

Главная цель внезапности состоит в том, чтобы снизить риск столкновения с вражеской силой – то есть риск боя. Но есть и другая разновидность риска, возможно, не смертельная для каждого отдельного подразделения в бою, но потенциально более опасная для всех боевых сил в совокупности.

Эта вторая разновидность риска, который возрастает с каждым отклонением от простоты прямого наступления и лобовой атаки, представляет собой организационный риск, то есть риск ошибок в исполнении запланированного, риск неудачи, вызванной не реакцией врага, а скорее заурядными ошибками, недопониманием, задержками и механическими поломками при развертывании, снабжении, планировании, управлении вооруженными силами. Когда предпринимается попытка снизить ожидаемый риск боя посредством любых парадоксальных действий, в том числе маневрирования, соблюдения секретности и введения противника в заблуждение, операция в целом заметно усложняется и растягивается по времени, что ведет к повышению организационного риска.

В промежутках между эпизодами фактического сражения, которое может быть совсем кратким, именно организационная сторона военного дела пугает тех, кому поручено руководить боем. Опять-таки, каждое отдельное действие по снабжению, поддержке, командованию и осуществлению боевых операций вооруженными силами может быть очень простым. Но в своей совокупности эти простые действия настолько усложняются, что естественным состоянием вооруженных сил независимо от их численности оказывается полный паралич; лишь сильное лидерство и дисциплина способны превратить это состояние в целесообразное действие.

Вообразим, что группа друзей собралась поехать на пляж на нескольких автомобилях, по одной семье в каждом. Они должны встретиться в 9 часов утра возле дома, расположенного наиболее удобно, чтобы сразу выехать и очутиться в месте назначения в 11 часов. Одна из семей уже в машине, готовая к выезду, но вдруг ребенок говорит, что ему срочно надо в туалет: приходится отпирать запертую дверь, выпускать ребенка, ждать его возвращения, снова заводить машину. В итоге семья прибывает к месту встречи с небольшим опозданием, в 9.15. Другая семья, которой ехать дальше, опоздала более существенно, потому что забыла захватить корзину с провизией для пикника. Отсутствие корзины обнаружили при подъезде к месту встречи, и к тому времени, когда семья вернулась домой, нашла корзину и все-таки присоединились к остальным, было уже значительно ближе к 10 часам, чем к 9. Третья семья задержалась и того дольше: когда все было погружено и все сидели в машине, автомобиль отказался заводиться, потому что разрядился аккумулятор. Все доступные «методы лечения» были испробованы (а время шло), пришлось долго дожидаться буксировщика с его могучими аккумуляторами. Когда двигатель наконец завелся, поехали быстро, понимая, что заставляют ждать других, но к тому времени, когда семья добралась до места встречи, было уже далеко за 10 часов. Даже когда все собрались, немедленно отправиться в путь не удалось. Некоторые дети просидели в ожидании более часа, и теперь им потребовалось ненадолго отлучиться. К тому времени, когда все было готово, дорога к пляжу заполнилась автомобилями, и вместо запланированных двух часов путешествие продлилось больше трех, включая непредусмотренные

остановки, поскольку одна машина остановилась на заправке, а одной из семей понадобилось купить прохладительные напитки. В конце концов до пляжа добрались, но запланированное время прибытия, 11.00, давно миновало.

Нашей воображаемой группе ни на каком этапе не препятствовала активная недружественная воля; все случившееся было следствием непреднамеренных задержек и мелких поломок, то есть чем-то вроде трения, мешающего работе всех движущихся механизмов. Данный термин, конечно, заимствован из сочинения Клаузевица «О войне», и авторские интонации легко различимы: «Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накапливаясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия»⁹. Трение представляет собой ту среду, в которой разворачивается любое стратегическое действие, и является самым верным спутником войны.

В нашем обыденном примере исходная задержка начала поездки составила более часа, а общая задержка оказалась существенно большей. Легко вообразить, насколько возросла бы задержка при увеличении количества семей. По сути, если добавить к группе достаточное число семей, возможно достичь точки, в которой поездка вообще не сможет начаться, поскольку всем придется дожидаться прибытия последней машины. Сколько семей нужно включить в схему для того, чтобы задержка растянулась до конца дня, сказать невозможно; пожалуй, хватит нескольких дюжин. Но и это громоздкое скопище не в состоянии состязаться в численности даже с малыми армейскими подразделениями, ведь в пехотном батальоне, в экипаже скромного военного корабля, в одной-двух эскадрильях авиации насчитывается по несколько сотен человек.

В вооруженных силах нет детей, способных вызвать задержку; военная дисциплина пресекает любые капризы, но во всем остальном дело в армии обстоит, кажется, гораздо хуже, чем с нашими незадачливыми семействами, мечтающими о поездке на пляж. Во-первых, забота о снабжении приобретает совсем другой размах, а любые упущения в предварительных расчетах нельзя восполнить, ненадолго остановившись на обочине. Флот в открытом море может обладать богатейшими запасами, но, если чего-то все же недостает, придется дожидаться следующей поставки; схожим образом для любого воздушного или сухопутного подразделения, находящегося вдалеке от своих баз снабжения, окружающая местность будет фактически пустыней, поскольку в наше время только продовольствия и фуража недостаточно для обеспечения войск.

В примере выше упоминается всего одна механическая поломка, но их будет гораздо больше в вооруженных силах, где основные виды оружия и транспорта, радары и радиостанции, а также все остальное электронное и механическое оборудование лишь в редких случаях столь же надежно, как большинство современных автомобилей. Военное оборудование обычно производится в штучных количествах, используется несравнимо реже, и по большей части оно куда сложнее. Боевые танки, хорошо защищенные от вражеского огня, удивительно хрупки по внутреннему устройству (особенно это касается трансмиссий, что хорошо известно); каждое из тысяч электронных устройств единственного боевого самолета подвержено поломкам ничуть не меньше стартера в легковой машине.

Никакие оперативные ошибки не задерживали поездку на пляж, и все водители действовали безупречно. Но несмотря на множество тренировок, строгие проверки и частые упражнения, ни одно из подразделений вооруженных сил не вправе надеяться на подобное совершенство со стороны всех, кто управляет военным оборудованием. Действительно, требуется немалый автоматический навык для управления автомобилем в потоке дорожного движения, но необходимо куда больше навыков для управления разнообразными военными машинами, а вместо многолетней ежедневной практики, доступной даже водителям-новичкам, большин-

⁹ См. Библиографию. Здесь и далее перевод А. Рачинского. – *Примеч. перев.*

ство военных водителей располагают лишь несколькими месяцами опыта, поскольку они сами или оборудование вынуждены осваиваться с поставленной задачей в полевых условиях.

В нашем примере план был крайне прост: одна отправная точка, один маршрут и заданное место назначения; вдобавок план был безупречен – если не принимать в расчет ту ошибку, что предусмотренное время отправления не оставляло запаса на избежание заторов на дороге к пляжу. Военные планы, составленные с умом, стремятся к подобной простоте, но редко ее достигают, потому что приходится координировать взаимодействие нескольких составных частей каждого военного подразделения, зачастую выполнять несколько различных действий в заданной последовательности. Опытные планировщики обыкновенно стараются учитывать допуски на все виды трения, но их собственные ошибки усугубляют ситуацию.

Наконец, есть трение, затрагивающее командование операцией, точнее, отслеживание и оценку поступающих разведанных, сам процесс принятия решений, внутренние переговоры, а также общий надзор («контроль»), что в целом составляет функцию командования. В нашем примере имелся план действия, но не было ни командования, ни разведки, ни внутренней связи, ни общего надзора; в ином случае остальная часть группы быстро узнала бы о бедственном положении третьей семьи и подыскала бы запасную машину. Военные командные структуры с их разведкой и средствами связи существуют именно для того, чтобы обнаруживать и устранять трение, большое и малое, посредством своевременного вмешательства, а также использовать возникающие в ходе боя возможности и бороться с неожиданными угрозами.

Но их собственная деятельность содержит немало шансов для трения: неверные, устаревшие или сбивающие с толка сведения разведки ведут к ошибочным решениям; даже в передовых, надежных и безопасных системах связи сообщения могут искажаться, направляться не по адресу или не отправляться вообще. Так, единственной задачей разведывательного корабля ВМФ США «Либерти»¹⁰, по ошибке атакованного израильскими ВВС в июне 1967 года, был перехват сообщений, но сам он не получал приказов покинуть зону боевых действий до начала атаки. С тех пор удалось добиться значительного технического прогресса в разных областях, но плачевные коммуникационные ошибки по-прежнему сохраняются – в основном из-за перегрузки сетей. Кажется, что попросту не существует достаточной емкости связи – или что она возможна лишь сиюминутно: едва новая система или технология обеспечивают дополнительную емкость, обмен сообщениями возрастает соответственно, и сообщения, которые ранее доставлялись на бумаге в почтовых ящиках, получают апгрейд (многое можно сказать о пользе молчания, когда мы обсуждаем коммуникации в полном распоряжении тех, кто пользуется средствами связи).

Что касается ошибок военных структур управления и контроля, то они практически неизбежны, учитывая тонкий баланс между необходимостью надзирать за боевыми подразделениями и противоположной необходимостью предоставлять каждому подразделению некоторый простор для инициативы.

Если принять во внимание все источники трения, если признать, что их совокупность обычно больше простой суммы, поскольку одни виды трения взаимодействуют с другими, что еще сильнее ухудшает результат, то проясняется истинная значимость организационного риска. Наша воображаемая группа семей рискует вовсе потерять целый день на пляже, если станет достаточно многочисленной, а любая военная операция может завершиться неудачей по внутренним причинам, даже не сталкиваясь напрямую с сознательным противодействием противника¹¹. Поломки, ошибки и отсрочки могут накапливаться, создавая непреодолимое пре-

¹⁰ Этот американский корабль вел радиоэлектронную разведку в Средиземном море в ходе Шестидневной войны и был по ошибке атакован израильскими истребителями и торпедными катерами, но остался на плаву. – *Примеч. перев.*

¹¹ Но умный враг постарается усилить внутреннее трение, нападая на линии снабжения, если припасы уже иссякают, на связь, если линии связи уже перегружены, на командные центры, если командирам недостает инициативы, и так далее. Образчиком наиболее амбициозной военной операции можно считать реляционный (обходной) маневр, то есть применение

пятствие для любого целенаправленного действия. На войне очень часто встречаются непредвиденные критические отсрочки, длящиеся часами, а то и днями или неделями. Примерами полнятся анналы мировой истории, эти отсрочки стали причиной многих поражений. Именно в таком контексте, с учетом неизбежного трения, нужно рассматривать всякое стремление к внезапности: любой парадоксальный шаг, предпринятый ради внезапности, с отклонением от самого легкого и простого хода действий, лишь повысит трение, следовательно, увеличит риск организационного поражения.

Когда риск боя материализуется, он принимает кровавые формы ранений и смертей. Когда овеществляется организационный риск, операция терпит провал, который может быть бескровным. Поэтому может показаться, что организационный риск уравнивается риском боя, когда решается, какая сложность допустима ради внезапности. Но это верно лишь относительно единичного военного действия – например, операции коммандос в мирное время. В остальных же случаях один риск накладывается на другой. Конечно, военный корабль, не пришедший к месту битвы из-за трения в цепочке командования; танковый батальон, у которого по пути на фронт закончились запасы горючего из-за трения в снабжении; истребитель, не способный выполнить перехват, потому что трение текущего ремонта не позволяет подняться в воздух, – все они временно остаются в целости и сохранности. Поэтому прямое наступление и лобовая атака охотно осуждаются защитниками парадоксальных действий, чьи мысли сосредоточены на единственной схватке: они четко различают зримое уменьшение риска боя, но лишь смутно осознают проистекающее отсюда же возрастание организационного риска.

Если рассматривать не отдельную схватку, в которой участвует одно подразделение, а войну как целое, становится ясно, что организационный риск, скорее всего, будет накладываться на риск боя. Флот в сражении будет ослаблен из-за отсутствия заблудившегося корабля, причем прочие корабли больше подвержены риску боя; то же самое относится к танковым батальонам, наступающим в отсутствие того, который отстал из-за отсутствия горючего, и к истребителям эскадрильи, сумевшим взлететь. В следующий раз тем, кто пропустил сражение, придется, вероятно, сражаться рядом с соратниками, ослабленными дополнительными потерями, к которым привел недостаток сил в ходе предыдущей битвы, – то есть риск боя существенно возрастет.

Преобладание парадоксального действия

Преимущества внезапности, предоставляемые парадоксальными схемами, тем самым сводятся на нет не только потерями в боевом потенциале, сознательно приносимом в жертву, но и дополнительным организационным риском. При этом бесхитростные военные действия, полностью определяемые линейной логикой во имя полноценного применения всех доступных ресурсов простейшими способами, не так уж часто встречаются в истории войн и еще реже избегают критики впоследствии. По крайней мере, отдельные парадоксальные элементы всегда присутствуют в подготовке и проведении самых удачных военных действий.

Разумеется, командира, силы которого обладают неоспоримым превосходством, всегда можно оправдать за отказ от внезапности ради полномасштабной подготовки и полноценного применения сил простейшими способами во имя минимизации организационного риска. Например, так обстояло дело на начальном этапе колониальных войн, где бы те ни велись; пока местные воины не научились разбегаться при встрече с хорошо обученными европейскими солдатами, вооруженными скорострельным оружием, лобовые атаки были крайне эффективными. Так происходило и в последние месяцы Второй мировой войны в Европе, когда амери-

---

силы против уязвимого места в обороне противника; эта форма войны, обсуждаемая далее, сама чрезвычайно подвержена трению.

канская, британская и советская армии с их подавляющей огневой мощью отдавали предпочтение прямолинейным нападениям на немецкую армию, пребывавшую в упадке, а ВВС этих стран отбросили все ухищрения и приступили к массированным дневным бомбардировкам, фактически не сталкиваясь с сопротивлением немецких и японских сил ПВО. Это все еще была война, однако *логика стратегии в ней больше не применялась*, потому что реакцией врага (да и самим его существованием в качестве сознательного живого организма) можно было пренебречь. Когда враг настолько слаб, что его войска представляются пассивными мишенями, которые впору считать неодушевленными, то обычная линейная логика промышленного производства со всеми своими привычными критериями производственной эффективности обретает полную силу, а парадоксальная логика оказывается несущественной. (Ср. у Клаузевица: «Существенное различие между ведением войны и другими искусствами сводится к тому, что война не есть деятельность воли, проявляющаяся против мертвой материи, как это имеет место в механических искусствах... Война есть деятельность воли против одухотворенного реагирующего объекта. К такого рода деятельности мало подходит схематическое мышление, присущее искусствам и наукам; это сразу бросается в глаза...»)

Стратегия объединяет как предотвращение войны, так и ее ведение на всех уровнях, от тактики до большой стратегии, но она ничего не говорит о сугубо административной стороне военных действий, где воля реагирующего врага не играет ни малейшей роли. Бесполезно натягивать на ногу сапоги на три размера меньше нужного или применять оружие не по назначению, ибо ни сапоги, ни оружие в этих случаях не будут способствовать парадоксальности действий; точно так нет необходимости обходить врага и застигать его врасплох, если враг настолько слаб, что любой его реакцией можно попросту пренебречь. Впрочем, столь благоприятные условия встречаются крайне редко: лишь немногие враги осознанно решают сражаться против значительно превосходящих сил.

Несколько шире распространено иное явление, когда вооруженные силы считают себя значительно превосходящими и потому следуют линейной логике, чтобы оптимизировать управление собственными ресурсами; они даже не пытаются застичь врага врасплох какими-то подходящими к ситуации парадоксальными ходами. На самом деле роль, отводимая парадоксу в ведении войны, должна отражать воспринимаемый баланс сил (обычно так и происходит). Парадоксально, кстати, и то, что сторона, которая оказывается материально слабее и потому имеет веские основания опасаться прямого лобового столкновения, может извлечь наибольшую выгоду благодаря самоослабляющему парадоксальному поведению – если сумеет достичь преимущества внезапности, которое сулит победу.

Если неблагоприятный баланс сил не является простым стечением обстоятельств места и времени в контексте отдельно взятого столкновения, битвы или кампании, но отражает постоянное положение того или иного государства среди других государств, то следование линии «наименьших ожиданий» через парадоксальные действия способно стать определяющей характеристикой *национального стиля войны*. Израиль представляет собою любопытный современный пример такого подхода к войне. Первоначально его вооруженные силы систематически старались избегать любого прямого боестолкновения, искали взамен парадоксальные альтернативы, предполагая, что враг заведомо материально сильнее – по численности живой силы и в техническом отношении. С ходом лет общий баланс сил сместился в пользу Израиля, и ситуации, в которых израильские войска действительно оказывались в численном меньшинстве или уступали противнику в огневой мощи, свелись к таким случаям, как рейды коммандос, когда небольшие силы сознательно внедрялись глубоко на вражескую территорию. Постепенно Израиль привыкал полагаться на собственное материальное превосходство, в дополнение к преимуществу в обученности, сплоченности и лидерстве. Произошла адаптация к новым обстоятельствам – к примеру, стало меньше заранее спланированных ночных боев. Но израильтяне продолжали в большинстве случаев избегать прямого столкновения – отчасти

по привычке, но в основном из желания минимизировать потери. Войну за войной и в промежутках между ними, когда случалось немало отдельных столкновений, израильтяне неизменно предпочитали самоослабление и дополнительные организационные риски ради внезапности. Израильские войска материально слабее, чем им полагалось бы быть (вследствие ограничений секретности и обмана, вследствие поспешных импровизаций или чрезмерной протяженности фронта), и потому действуют, добровольно принимая на себя такое трение, что их состояние почти совпадало с хаотическим состоянием раздробленных, регулярно побеждаемых врагов, застигнутых врасплох (а силы последних либо не сосредотачивались в нужном месте, либо не были готовы к сражению морально и материально).

Привычное предпочтение, отдаваемое израильтянами парадоксальному действию, идущему вразрез с общепринятым, не могло продержаться долго, не обессмыслив в конце концов свою цель. С течением времени противники начали пересматривать свои ожидания. Они на опыте научились не доверять своим оценкам предполагаемых ходов израильтян, поскольку эти оценки опирались на здравомыслящие расчеты «наилучших» действий, доступных израильтянам. Наконец в ливанской войне в июне 1982 года сирийцы несколько не удивились попытке израильтян направить целую танковую бригаду им в тыл по единственной узкой дороге через горы Шуф и вовремя сумели заблокировать этот узкий проход¹². Но вот следующий шаг израильтян оказался для сирийцев совершенно неожиданным: они не могли предвидеть (и потому, по сути, лишь пассивно наблюдали) прямой лобовой и массовой танковой атаки на Ливанскую долину¹³. При крайне благоприятном балансе сил и ввиду ограниченного времени, поскольку уже было известно о грядущем прекращении огня, израильтяне решили пожертвовать надеждой на внезапность и атаковали в лоб среди белого дня; неготовность сирийцев приятно их удивила. Ясно, что к 1982 году для израильтян с их парадоксальным стилем войны, столько раз продемонстрированным в предшествующих столкновениях, линия «наименьших ожиданий» сводилась только к прямому, лобовому подходу.

---

¹² Эта дорога вдоль гор Шуф, от Джеззина до трассы Бейрут – Дамаск, которая, в свою очередь, ведет на восток к Штауре в долине Бекаа, была целью израильтян, поскольку там находилась ставка сирийских войск в Ливане. Наступление израильтян остановили у Айн-Жальты, в нескольких милях от шоссе. См.: *Zeev Schiff and Ehud Yaari, Israel's Lebanon War (1984)*, стр. 160–161.

¹³ Наступление 446-го корпуса Бен-Галия началось рано утром 10 июня 1982 г. См.: *там же*, стр. 117, 171–173.

Глава 2

Логика в действии

Нельзя добиваться неожиданности регулярно, применяя одни и те же методы; это очевидно. Также перед нами пример (пусть даже сам по себе не слишком важный) того, как действует парадоксальная логика стратегии в своей полной, двусторонней динамической форме. До сих пор эта логика рассматривалась преимущественно с точки зрения лишь одного участника, причем такого, который понимал эту логику и сознательно пытался ею воспользоваться. Кроме того, в большинстве случаев я разбирал единичные ситуации и единичные решения, а потому логика стратегии представляла в виде последовательности статичных картинок. Разумеется, в каждом стратегическом столкновении во время войны и мира налицо как минимум две противостоящие друг другу воли, и действие крайне редко осуществляется мгновенно, как в дуэли на пистолетах; куда чаще наблюдается с обеих сторон последовательность действий, развивающихся взаимно с течением времени.

Если сосредоточиться вместо этого на парадоксальной логике стратегии как на объективном явлении, которое определяет итог противостояния независимо от того, пытаются ли участники ею воспользоваться или даже не осознают, как она действует; если время будет надлежащим образом учитываться для придания процессу динамики, тогда мы сможем признать эту логику в ее полноте – как *совпадение и даже взаимообращение противоположностей*. Это проявляется не только в исходе действий вопреки обыденной логике, призванных застигнуть врага врасплох, ибо постепенно такие действия становятся предсказуемыми; мы также начинаем усматривать стратегическое во всем, в любых столкновениях противоположных волей. Иными словами, когда парадоксальная логика стратегии принимает динамическую форму, она становится совпадением противоположностей и даже их взаимообращением.

Поэтому в области стратегии как таковой ход событий не может сохраняться до бесконечности. Напротив, он стремится обернуться своей противоположностью, если только всю логику стратегии не перевешивает какое-либо стечение внешних обстоятельств для участников конфликта. Без такого вмешательства логика обеспечивает самоотрицающую эволюцию, которая может достичь крайней точки полного взаимообращения, отменяя одновременно войну и мир, победу и поражение – со всем, что они подразумевают.

Пример: армия победоносно продвигается вперед по обширному театру военных действий. Состоялось множество сражений, но перелома в ход событий ни одно из них не внесло. Одна сторона наступает и по-прежнему вынуждает другую отступать. Возможно, отступающие разбегаются в панике или вот-вот угодят в западню и будут уничтожены; война близится к завершению путем переговоров или капитуляции. Даже в этом случае, как мы увидим, остается возможность взаимообращения противоположностей, пускай уже не в ходе данной войны. А если отступающая армия продолжает сражаться, схема взаимообращения начинает вырисовываться все четче.

Победоносная армия наступает, отдаляясь от своей территории, где тренировочные лагеря, промышленные предприятия, склады и мастерские ранее обеспечивали ее успехи. Она должна получать все, что ей требуется, посредством линий снабжения, которые непрерывно удлиняются. Идет ли речь о гужевом транспорте, железных дорогах, грузовиках или современных транспортных самолетах, которые доставляют топливо, снаряды, запасные части и все остальное, – расстояние ослабляет возможности снабжения. С увеличением расстояния вдобавок возрастает вероятность поломок и длительность пауз на техобслуживание, что очень важно, если общая оснащенность армии уже недостаточна. Напротив, отступающая армия, скорее всего, откатывается к своим основным базам снабжения, то есть ее линии поставок укорачиваются. Подкрепления в наступающей армии должны совершать более длинные переходы, а

в отступающей армии может вовсе не быть источника подкреплений, но если таковой имеется, путь подкреплений до линии фронта становится короче.

Поэтому победоносная армия должна прилагать все больше усилий к элементарному поддержанию своей жизнеспособности. Возможно, ей придется отводить людей и оборудование с передовой для укрепления линий снабжения или перебрасывать на них тыловые подкрепления. Тогда как армия, которая отступает, может сократить силы на поставки, ее командиры могут привлекать боеспособные части и снаряжение из команд снабжения для усиления войск на передовой.

Победоносная армия идет по территории, ранее принадлежавшей врагу, ее встречает недружественное население, может быть, вооруженные партизаны или даже регулярные части, намеренно оставленные для ведения партизанской войны. В лучшем случае военное управление недавно занятой территорией потребует людских и материальных ресурсов, которые, вероятно, будут возмещаться посредством реквизиций на местах. В худшем же случае, при вооруженном сопротивлении, с саботажем и нападениями на железнодорожные пути, транспортные конвои, склады, команды обслуживания и тыловые штабы, победоносной армии придется отзывать с передовой боевые части для поддержания безопасности в тылу, патрулирования и быстрого реагирования на возможные атаки.

Даже если победоносная армия освобождает дружелюбно настроенное население, которое не сопротивляется и никак не помогает вражеским солдатам, что прячутся в тылу, наступление неизбежно чревато другими затруднениями, поскольку именно отступающая армия прежде оккупировала эту территорию, а теперь может возратить патрули и силы быстрого реагирования на линию фронта.

Победоносная армия по причине наступления обладает свободой инициативы в выборе скорости и направлений наступления, а ее передовые части могут порой обгонять и отрезать отряды отступающих. С другой стороны, отступающая армия, если ее не донимают непрерывными атаками, может располагать немалым преимуществом в тактической обороне. Тыловые части этой армии в промежутках между схватками могут находить подходящие места для нападений из засады на открытодвигающегося врага и успешно уничтожать вражеские силы, наступающие слишком уж ретиво.

Воздействие победы и поражения на боевой дух, сплоченность и лидерство слабо предсказуемо. Боевой дух порождает не счастье, а волю к сражению. Победа может дополнительно ободрить, но ослабляет волю: после недавнего сражения люди радуются победе и думают, что сделали уже достаточно. (Клаузевиц рассуждал о «разложении и ослаблении».) Подтвердить подобное непросто, но военные историки согласны с тем, что во Вторую мировую войну ветераны британской 8-й армии, долго сражавшиеся и наконец победившие немцев и итальянцев в Северной Африке, к 1943 году утомились от кровопролитных сражений; между тем им предстояло еще два года военных действий в Италии и в Северо-Западной Европе после «Дня Д». Они не дезертировали по отдельности, их части не бежали с поля боя, но британским полевым командирам приходилось считаться с тем, что больше нельзя было уповать на дерзновение и решительность ветеранов – только на неизменную осторожность, а «на острие» выступали другие – элитные подразделения, свежие подкрепления или формирования союзников.

Напротив, поражение деморализует, внушает пассивность (ее требуется не так уж много для того, чтобы полностью обессилить армию) и даже приводит к дезертирству в подходящих обстоятельствах¹⁴. Впрочем, оно способно побудить и к яростному сопротивлению в следующей схватке, особенно если люди осознали, что до сих пор они прикладывали меньше усилий, чем могли бы. Так произошло с британской 8-й армией в ходе кампании в Северной Африке:

¹⁴ Война в Заливе 1991 г. завершилась массовым дезертирством иракских войск, которые уповали на хорошее обращение с пленными, однако подобная снисходительность в транскультурных войнах встречается довольно редко.

слишком легко уступив в 1942 году дерзкому наступлению Роммеля в Ливии, большинство ее подразделений стало сражаться яростнее к тому времени, когда немцы пересекли Египет и достигли Эль-Аламейна. В первом сражении 1—10 июля 1942 года британцы удержали позиции и не отступили снова; во втором сражении, которое началось 23 октября, они предприняли мощную контратаку.

Лидерство тоже может значительно укрепнуть благодаря победе – и не менее легко ослабляется. Если успех достигнут единожды или несколько раз подряд, желание снова и снова подвергать подчиненных опасностям боя может иссякнуть. А в отступающей армии лидеры и вовсе могут утратить авторитет, но если этого не случилось, горькие воспоминания о недавней неудаче нередко побуждают их требовать от подчиненных большего и придают свежие силы. Правда, если мы говорим о навыках и приемах военных действий, баланс возможностей не столь очевиден: победа сбивает с толку, а поражение учит.

В случае победы все привычные приемы, процедуры, тактические решения, командные структуры и методы армии однозначно признаются неоспоримо верными или даже блистательными (включая и те, которые нуждаются в серьезных, даже радикальных улучшениях). Именно так случилось с израильской армией после сокрушительной победы в 1967 году. Быстро разгромив многочисленных египтян, надежно окопавшихся сирийцев и дисциплинированных иорданцев благодаря одной и той же комбинации танковых атак и воздушных рейдов¹⁵, командующие израильской армии предпочли забыть о том, что потенциально эта тактика уязвима при массовом развертывании вооружения, которое Советский Союз мог начать поставлять, а арабы – использовать (речь о противотанковых и противовоздушных ракетах). Чудесная победа на трех фронтах за шесть дней затмила собой полезные выводы из тех несколько эпизодов, в которых израильские части потерпели небольшие тактические поражения и понесли неожиданные потери. Поэтому израильская армия не озаботилась усилением танковых подразделений за счет самоходной артиллерии и хорошо подготовленной пехоты на современных бронетранспортерах. Вместо этого военный бюджет был потрачен большей частью на закупку новых, усовершенствованных танков, а на артиллерию осталось крайне мало средств, тогда как пехота, преимущественно плохо подготовленные резервисты, продолжала перемещаться на устаревших полугусеничных транспортерах с открытым верхом времен Второй мировой войны. Когда в 1973 году война возобновилась, танковые части действовали вполне успешно в оборонительных боях, но понесли значительные потери при атаках на египетские позиции с противотанковым вооружением, поскольку не имели поддержки артиллерии, способной подавить сопротивление врага, или пехоты, которая могла бы ворваться во вражеские окопы. Израильские ВВС без труда уклонялись от ракет арабских ПВО в 1967 году и поэтому впоследствии предпочитали приобретать боевые самолеты, а не средства радиоэлектронной борьбы. В 1973 году израильская авиация все равно справлялась с множеством более современных советских противовоздушных ракет в руках арабов, но лишь в том случае, если удавалось атаковать систематически с предельно малых высот, избегая вражеских радаров. Когда же израильским самолетам выпадало наносить удары по наступающим арабским силам без какой-либо предварительной кампании подавления, они несли большие потери из-за противовоздушных ракет и зенитных орудий.

Поражение – гораздо лучший наставник, чем победа. Неудача не просто обостряет критические способности: при правильном отношении налицо меньше сопротивления предложениям по исправлению ситуации, поскольку поражение лишает опоры сторонников сохранения статус-кво. Именно так случилось с арабами после сокрушительного поражения в 1967 году. Они осознали ограниченность своих возможностей и больше не пытались состязаться с изра-

---

¹⁵ Имеются в виду налеты на сосредоточения сил и линии снабжения противника, а собственно воздушная поддержка предусматривает атаки конкретных целей для содействия наземным силам.

ильтянами напрямую. Вместо того чтобы противодействовать мобильной бронетехнике противника своими менее маневренными танками, арабы стали полагаться на статичную, но очень плотную противотанковую оборону; вместо воздушных сражений, где их заведомо превосходили, они сделали ставку на плотную систему ПВО. В итоге они проиграли и войну 1973 года, но с гораздо менее разрушительными последствиями, если сравнивать с 1967 годом. Египет даже захватил и удержал за собой ряд территорий на Синайском полуострове, потеряв часть своей местности.

То же самое можно сказать об израильтянах. Все уроки, которые можно было извлечь из тщательного изучения фактических событий 1967 года, оказались наконец усвоены в 1973 году. В следующей войне, 1982 года, израильские бронетехника и ВВС практически не пострадали от ракетных средств обороны.

Если промышленность и население все еще мобилизованы, а побеждающая армия получает достаточно подкреплений, то возрастание ее силы будет обеспечено даже при продолжении наступления. Иными словами, «экзогенные» перемены способны упразднить логику, которая сулит ослабление порыва. Но если дело обстоит иначе, если нет постоянного притока подкреплений в наступающую армию, тогда само ее наступление чревато ослаблением, а поражение и отступление будут укреплять армию, ранее терпевшую неудачи.

Кульминация и взаимообращение

В динамическом разворачивании непрерывной войны совпадение победы и поражения может распространиться за пределы нового равновесия сил и достигать крайней точки полного взаимообращения. Если победоносная армия в моем примере способна добиться полного завоевания или вынудить противника сдаться, ее ослабление, происходящее исподволь, не будет иметь никакого значения, заодно с факторами, что могут придать сил разбитому противнику. Но если война затягивается из-за обширности территории или упорства врага, тогда терпящие поражение смогут извлечь пользу из этого динамического парадокса – вплоть до того, что сами превратятся в победителей. Если армия, ранее побеждавшая, просто продолжает наступать и не получает достаточного подкрепления, она губит саму себя, преодолевая кульминационную точку победы¹⁶ (это важнейшее понятие стратегической логики).

Такова была участь немецких войск, вторгшихся в СССР в июне 1941 года. Поначалу они добились значительных успехов, без труда разгромив советские войска, разбросанные вдоль линии фронта, а также более многочисленные формирования, стоявшие глубже. Это подвигло немцев к быстрому наступлению вглубь России, по направлению к Ленинграду (Санкт-Петербург) и Москве, причем по пути они одерживали сокрушительные победы. Потери советской стороны были огромными. Но немецкие передовые колонны, продвинувшиеся на сотни миль, не получали подкреплений, достаточных для того, чтобы справиться с удлинением путей снабжения, психологическим «ослаблением усилий» и накоплением тактических ошибок в победе, тогда как советские войска, напротив, становились сильнее благодаря резкому сокращению длины линий снабжения, моральному давлению позорных поражений, а также множеству практических уроков, усвоенных вследствие неудач. К декабрю 1941 года немцы перешли кульминационную точку победы, а советские войска обрели силы для своего первого контрнаступления, усугубленного зимними морозами. Хотя победа оказалась всего-навсего тактической, ведь немецкий фронт не рухнул, русские показали себя более прилежными учениками Клаузевица в сравнении с немцами. Еще примечательнее то обстоятельство, что черед победоносных летних наступлений, перешедшая за «кульминационную точку», за которой последовали зимние

---

¹⁶ Это выражение Клаузевица, который рассуждал о кульминационной точке или кульминационном пункте. – *Примеч. перев.*

контрнаступления недавно разбитых врагов, повторилась и в 1942 году, – вот только немецкий фронт под Сталинградом на сей раз действительно рухнул, притом с огромными потерями. В июле 1943 года существенно ослабленная немецкая армия предприняла свое третье летнее наступление на Курской дуге; Красной армии не пришлось даже дожидаться зимы для массовой контратаки. Но с июля 1943 года уже немцы стали извлекать разнообразные выгоды из парадоксальной логики, которая ослабляет наступающего сильного и укрепляет отступающего слабого. Вот почему Советская армия вошла в Берлин только в конце апреля 1945 года.

Конечно, сказанное вовсе не означает, что победа непременно ведет к поражению, если война продолжается. Но, не получая подкреплений из неиссякаемых источников военной силы (т. е. вследствие факторов, «экзогенных» по отношению к логике), победоносная армия будет вынуждена остановиться и накопить силы ради преодоления неблагоприятных воздействий. Восстановив энергию боевого духа и лидерства благодаря отдыху и замене частей, перемещая линии снабжения ближе к передовой и обеспечивая безопасность в тылу, если там возникают какие-либо угрозы, пересматривая приемы, тактику и методы, которые враг научился предвосхищать и предугадывать, победоносная армия способна возродить уверенность в победе, перенести вперед, в будущее, «кульминационную точку» своей победы.

Континентальные сражения Второй мировой войны предлагают нам все варианты сошествия и взаимообращения победы и поражения. Поскольку применение бронетехники и ВВС вернуло Европе глубокие маневры наполеоновского размаха, отменив первостепенную роль статических укрепленных линий Первой мировой войны, схватка разворачивалась в виде череды драматических ходов.

Немецкое вторжение в Нидерланды, Бельгию и Францию, которое началось 10 мая и завершилось 17 июня 1940 года, когда Франция запросила перемирия, подразумевало (с оговорками) одно-единственное стремительное наступление¹⁷. К 17 июня десять панцер-дивизионов, то есть бронетанковых дивизий, на острие главного немецкого удара, столкнулись с таким количеством поломок у танков, полугусеничных транспортеров и грузовиков, что наступление во многом превратилось в показную шумиху, а не в проявление реальной силы, и немцам пришлось прибегать к различным уловкам – например, сажать пулеметные расчеты на захваченные у французов грузовики. В пехотных дивизиях, составлявших подавляющее большинство частей наступавшей немецкой армии, солдаты передвигались пешком с самого начала кампании и были по большей части совершенно измотаны. Что касается службы снабжения, здесь вынужденно полагались на движение гужевого транспорта от ближайшей железнодорожной станции до передовой, и линии снабжения настолько растянулись, что лишь изобилие продовольствия и фуража на только что завоеванных плодородных землях спасало победоносную армию от губительной нехватки припасов. Снабжение боеприпасами не являлось серьезной проблемой для кампании, которая предусматривала быстрые маневры и краткие атакующие выпады, – по сути, большинство боевых столкновений сводилось к мгновенным стычкам. Совершая марши в основном пешком, получая снабжение в основном гужевым транспортом, немецкая армия не нуждалась в обилии топлива, но даже в таких условиях его определенно не доставало: рвавшиеся вперед бронетанковые дивизии могли продолжать движение, только конфискуя бензин у мирных жителей¹⁸.

¹⁷ Кампания официально завершилась 25 июня 1940 года, когда Италия также удовлетворила просьбу французов о перемирии, но в последнюю неделю боевые действия с обеих сторон велись вяло, за исключением участков линии Мажино, где 2-я французская группа армий упорно сопротивлялась до 22 июня.

¹⁸ К моменту начала войны в сентябре 1939 г. из 103 немецких дивизий всего 16 (танковых, моторизованных и пехотных) были полностью снабжены техникой. Каждой из 87 пехотных дивизий по штату полагалось иметь 942 единицы техники – разведывательные и штабные машины, артиллерийские тягачи и грузовики (из расчета одной машины на шесть человек), но большую часть припасов все равно доставляли на 1200 гужевых повозках. К маю 1940 г. вследствие поломок грузовиков на скверных польских дорогах количество техники сократилось вдвое, так что пришлось увеличивать «парк» повозок. От железнодорожных станций до полевых складов припасы вообще-то следовало доставлять силами специальных автомобильных

Но прежде чем немцы решительно перешли кульминационную точку своей победы, все их накопившиеся слабости были обнулены перемирием: дальность целеустремленного проникновения с их стороны оказалась сильнее географической протяженности и «моральной мощи» Франции.

Когда войска Гитлера напали на СССР – почти ровно год спустя, 22 июня 1941 года, – глубина их целеустремленного наступления увеличилась лишь в малой степени за счет захваченных французских грузовиков и незначительного усиления моторизованных частей. Из 142 немецких дивизий в трех армейских группах, дислоцированных накануне вторжения вдоль протяженной линии фронта от Балтийского до Черного моря, только 23 дивизии были бронетанковыми, частично бронированными легкими или моторизованными. Во всей немецкой армии насчитывалось 88 дивизий, укомплектованных французскими машинами. Даже при этом 75 пехотных дивизий, развернутых на Восточном фронте, пришлось лишить всех грузовиков, чтобы укомплектовать колонны снабжения армейских групп; взамен каждая получила по 200 крестьянских телег¹⁹. Такова была реальность, стоявшая за фасадом современной механистичности, сыгравшей столь важную роль в психологическом воздействии гитлеровского блицкрига.

Но Советский Союз по площади куда больше Франции, а воспользоваться его железными дорогами было гораздо труднее из-за иной ширины колеи и частых случаев саботажа; немногочисленные советские дороги не имели асфальтового покрытия, из-за чего моторизованный транспорт быстро выходил из строя, а упорство сопротивления русских, казалось, не уменьшалось, несмотря на ряд катастрофических поражений. Так, в середине октября 1941 года, когда немецкие войска достигли того пункта, который в ретроспективе можно считать кульминационной точкой их победы, от Москвы передовые части немцев все еще отделяло приблизительно 60 миль²⁰. Во главе немецкого командования стоял Гитлер, поэтому о перерыве для восстановления сил никто не помышлял. Немецкие войска на центральном участке фронта, нацеленные на Москву, продолжали наступать в течение ноября с двух направлений, с севера и с юга, чтобы создать еще один громадный «котел», который покончил бы с Советской армией и завершил бы войну. Тем самым немецкая армия перешла кульминационную точку своего успеха и неизбежно стала скатываться вниз по стратегической кривой.

Возрастающая нехватка боеприпасов на линии фронта заставляла умолкнуть артиллерию, даже пехота испытывала нехватку во всем необходимом, поскольку расстояния между железнодорожными станциями снабжения и фронтом были слишком велики для кругового движения гужевого транспорта и немногих грузовиков в наличии. Железные дороги не справлялись с удовлетворением потребностей снабжения из-за острой нехватки подвижного состава, рассчитанного на русскую ширину колеи. В итоге зимнее обмундирование и смазочные материалы для холодной погоды остались в глубоком тылу, на отдаленных сортировочных станциях, потому что наивысший приоритет отдавался предметам первой необходимости – провианту, топливу и боеприпасам. В механизированных частях количество действующих танков, полугусеничных транспортеров и артиллерийских тягачей продолжало снижаться вследствие износа и отставания полевых ремонтных мастерских. К тому времени реквизированные у русских крестьян телеги сделались жизненно важным транспортным средством даже для пан-

полков, но таких насчитывалось лишь три на всю немецкую армию на всех фронтах (6600 грузовиков). См. *Martin van Creveld, Supplying War* (1977), стр. 144–147.

¹⁹ См. *Burkhard Mueller-Hillebrand, Das Heer, 1933–1945* (1956), т. 2, таб. 29, цит. по: *van Creveld, Supplying War*, n. 28; p. 151.

²⁰ Утром 18 октября 1941 г. 10-я танковая дивизия и дивизия СС «Дас Рейх» вошли в Можайск, от которого открывался прямой путь на Москву. К этому времени немцы завершали разгром восьми советских армий на участке от Вязьмы до Брянска, стремясь одержать последнюю «великую и безоговорочную» победу на советской земле; они уже захватили 665 000 пленных. См. *John Erickson, The Road to Stalingrad* (1975), стр. 216–220. Передовые 2-я и 3-я танковые группы (Гудериана и Гота соответственно) из состава группы армий «Центр» преодолели по прямой с 22 июня 1941 г. более 500 миль, а силы Гудериана перебросили к Москве сразу после марша на юг, где они замыкали огромный Киевско-Роменский «котел».

цер-дивизионов. В тылу между тем нарастало активное сопротивление партизан и советских солдат, поэтому полицейские задачи в тылу, сопровождаемые истреблением населения и конфискацией имущества, пришлось поручать тем подразделениям, которые могли бы помочь на фронте.

Приток свежей живой силы неуклонно снижался, а количество жертв возрастало. Прежде всего, немецкие солдаты на передовой все сильнее страдали от холода, испытывали все большее физическое утомление и были деморализованы собственными успехами. С 22 июня они постоянно наступали, миля за милей, к ноябрю взяли в плен около трех миллионов советских солдат и истребили еще десятки тысяч в одном сражении за другим, но казалось, что впереди столько же миль непокоренного пространства и столько же советских бойцов, готовых сопротивляться, что конца этому не предвидится. Гитлер и его генералы не желали останавливаться ввиду столь соблазнительной близости Москвы. Было приложено еще одно неимоверное усилие: 1 декабря 1941 года, в стужу, когда самые передовые немецкие части стояли всего в 20 милях от Красной площади, началось финальное наступление, но последние силы немцев быстро иссякли²¹. Через четыре дня, рано утром в пятницу, 5 декабря, первое свое наступление в эту войну предприняла Красная армия. Советские солдаты в белом зимнем обмундировании отбросили немцев на расстояние, вдвое превышавшее глубину их последнего, пагубно-успешного продвижения. Когда это советское наступление окончательно остановило неудержимое продвижение немецких войск, последовали три года войны с переменным успехом, причем победы и поражения чередовались, и все дальнейшие поразительные летние наступления немцев завершались все более паническими отступлениями под ударами советских войск, набравших силу.

После эпической победы под Сталинградом последовало слишком глубокое наступление русских, растянувшее силы и подготовившее почву для немецкого контрнаступления в марте 1943 года²², Сталин и советское Верховное командование усвоили, что нужно чередовать каждое успешное наступление с тщательно продуманными перерывами, чтобы удерживать войска на надежном расстоянии от кульминационной точки победы.

Поскольку Советский Союз полностью мобилизовал свои население и промышленность, а также получал значительную помощь от США и Великобритании (включая не менее 409 526 джипов и грузовиков)²³, он выставлял на поле боя силы, намного превосходившие немецкие, и этими силами все искуснее командовало новое поколение офицеров, возвращенное войной. С ростом дисбаланса основных источников военной силы чередование немецких и советских наступлений в 1942 и 1943 годах сменилось непрерывной последовательностью советских побед – вплоть до последнего рывка на Берлин. Но все же до самого конца, несмотря на то, что немецкие части на востоке к исходу войны состояли из утомленных ветеранов, неумелых новобранцев, моряков и летчиков, внезапно переведенных в ряды пехоты и никогда не проходивших подготовки к сухопутной войне, юнцов, стариков и полуинвалидов, каждое победоносное советское наступление преднамеренно останавливалось у порога избыточности: любые признаки «авантюризма» вызвали сильное недовольство Сталина²⁴.

²¹ Фактически всего два корпуса из состава двух армий могли атаковать противника. См. *Albert Seaton, The Battle for Moscow* (1983), стр. 165.

²² Речь об атаке группы армий «Юг» 25 февраля – 18 марта 1943 г. в направлении реки Донец и Харькова; эта атака вписала имя Эриха фон Манштейна в анналы военной истории. Шесть советских танковых корпусов «группы Попова», зашедшие слишком далеко на юг, удалось окружить и разбить, а еще два советских соединения разгромили в ходе немецкой операции у Харькова. См. *Earl F. Ziemke, Stalingrad to Berlin* (1968), стр. 90–105. Также *Erich von Manstein, Lost Victories* (1958), стр. 367–442.

²³ См. *Ziemke, Stalingrad to Berlin*, p. 501.

²⁴ См. *Raymond L. Garthoff, Soviet Military Doctrine* (1953), стр. 18–19, где процесс разработки доктрины описывается подробно.

В одиннадцатимесячной войне на Западном фронте, с высадки в Нормандии 6 июня 1944 года и до немецкой капитуляции, тоже хватало эпизодов, когда обе стороны переходили кульминационную точку победы, но на деле только одна сторона смогла по-настоящему оправиться от последствий чрезмерного продвижения. Война в Северной Африке, которая велась перебегающими наступлениями и отступлениями на пространстве пустыни протяженностью в тысячу двести миль между Триполи и дельтой Нила, также состояла из целого ряда подобных эпизодов. К 23 октября 1942 года, когда подавляющее материальное превосходство британских войск в конце концов сделало возможным медленное, но неотвратимое наступление от Эль-Аламейна, военные действия в романтически-авантюристическом стиле, которые два года вели сначала британцы, а потом немцы и итальянцы Эрвина Роммеля, полно и наглядно продемонстрировали действие этого принципа. Победоносные наступления заходили настолько далеко, что за стрелками на карте могла в действительности скрываться жалкая горстка танков без горючего, – словом, все подталкивало к контратаке тех, кто ранее потерпел поражение, а теперь шел вперед, к столь же хрупким победам²⁵.

Так же развивалась и война в Корее, в ходе которой каждая из сторон доводила свои наступления до пределов, за которыми сама навлекала на себя поражение. Быстрым наступлением, начавшимся 25 июня 1950 года, северокорейцы к августу покорили почти весь полуостров, за исключением анклава Тэгу – Пусан на южной оконечности. При этом они пешком преодолели расстояние в триста миль или даже больше и пересекли кульминационную точку своего успеха. Когда генерал Дуглас Макартур предпринял контрнаступление 15 сентября, совершив дерзкую высадку десанта в Инчхоне, в глубоком тылу северокорейцев, зашедших слишком далеко, их спешное отступление превратилось в паническое бегство. Но блистательная победа, добытая ценой внезапной атаки, чреватой огромным риском, почти немедленно обернулась поражением вследствие неосмотрительно быстрого наступления. К 26 октября 1950 года тонкий клин передовых сил американско-южнокорейского наступления рассек всю Северную Корею и достиг реки Ялуцзян и китайской границы.

Участившиеся предупреждения о том, что китайцы могут отреагировать вступлением в войну, побудили всего-навсего тактически отступить недалеко от реки Ялуцзян. В ноябре 1950 года «фронт» Макарура, растянувшийся по широкому основанию Северной Кореи от моря до моря, существовал большей частью только на картах. Вместо прочной цепи подразделений, развернутых плечом к плечу и поддержанных еще более мощными силами в тылу, налицо были значительные разрывы между передовыми частями американско-южнокорейских колонн: они выдвинулись по нескольким ущельям, разделенным широкими массивами гор, которые даже не патрулировались, не говоря уже о полном контроле над ними. Передвигаясь китайцы только по дорогам, как армия США, которая зависела от грузовиков, доставлявших солдат и все необходимое, явная географическая уязвимость отделенных друг от друга наступательных сил Макарура была бы сугубо теоретической, поскольку горы непроходимы для моторизованной техники. Но китайцы форсировали горы пешком, а все припасы доставляли носильщики; так они внедрились в промежутки между американско-южнокорейскими частями. Продвигаясь по ночам и скрываясь днем, они сумели остаться незамеченными. Менее очевидная уязвимость войск Макарура (не считая частей морской пехоты США на восточной стороне полуострова) заключалась в том, что подразделения были дезорганизованы спешным наступлением, а боль-

²⁵ В отсутствие в Ливии железной дороги и при использовании гужевого транспорта в безводной и бесплодной пустыне только организация движения грузовиков из порта Триполи на фронт могла поддержать силы Роммеля. Имевшиеся в наличии на апрель 1941 г., на начало немецкой операции, 6000 тонн грузоподъемности могли обеспечивать части Африканского корпуса на глубину не более 300 миль, поэтому Роммелю запретили наступать. Когда он, в нарушение приказа, предпринял свое первое наступление и прорвал британский фронт (силы британцев чрезмерно растянулись после недавней победы над итальянцами), его стремительный, не имевший аналогов в истории тысячемильный поход позволил немцам захватить всю Ливию и вторгнуться в Египет – но вынудил Роммеля обосноваться в пустыне, где его части едва выживали за счет захваченных припасов; в итоге им пришлось отступить. См. *Van Creveld, Supplying War*, стр. 186.

шинство новоприбывших солдат не прошли надлежащей подготовки (южнокорейцы и вовсе обучены не были). Важно и то, что американцы и южнокорейцы были морально ослаблены широко распространившимся мнением, будто война уже закончилась – победой.

Пользуясь незащищенными горными перевалами, китайцы получили преимущество – возможность глубоко просочиться во вражеский тыл до начала атаки. Когда 26 ноября началось открытое китайское наступление (с обстрела из минометов и ударов пехоты на фланги армии США и южнокорейских сил, растянувшихся вдоль узких горных дорог), никто не мог ни контратаковать вверх по крутым склонам, ни удерживать свои позиции. Дальнейшее отступление превратилось в катастрофу: дезорганизованные и деморализованные части не могли отступать по тем же дорогам, по которым прибыли на грузовиках; им приходилось пробиваться сквозь цепь засад и блокпостов, чтобы не попасть в плен. Нет ничего сложнее упорядоченного отступления при нападении противника, но морская пехота США в своем секторе в восточной части полуострова справилась настолько удачно, что ее отступление обернулось в итоге контр-наступлением. А вот многие другие части армии США и почти все южнокорейские подразделения распались на массу беглецов-одиночек.

К концу января 1951 года китайцы нанесли серьезное поражение силам Макартура, освободили всю Северную Корею и вторглись в Южную, пройдя около 40 миль за Сеул, но, как оказалось, они двигались слишком далеко и слишком быстро. Идти пешком через горы – отличный способ избежать обнаружения, но припасов, доставляемых носильщиками, было недостаточно для поддержания боеспособности крупной армии вдалеке от ее баз. По сути, поражение китайцев было хорошо подготовлено их чрезмерными усилиями, и в ходе контрнаступления сил США в феврале, марте и апреле 1951 года Сеул (а также большая часть Южной Кореи) был освобожден во второй раз за шесть месяцев.

В анналах военной истории можно найти множество подобных примеров. Но приводить все новые и новые значит попросту затемнять универсальную применимость парадоксальной логики стратегии, динамическая форма которой представляет собой совпадение и взаимообращение противоположностей. Ведь полномасштабная сухопутная война – лишь самый очевидный пример гораздо более широкого явления. Сугубо механические аспекты чрезмерного распыления сил важны, когда театр военных действий достаточно обширен, а командующие войсками не проявляют должного благоразумия, но *точно такое же взаимодействие между успехом и неудачей* свойственно всем разновидностям военных действий. Это верно даже в том случае, если фактор чрезмерного распыления сил полностью отсутствует. Всякий раз, когда действие длится достаточно долго, допуская ходы и ответные ходы, тот же самый динамический парадокс непременно проявляет себя.

Вспомним, к примеру, шестилетнее противостояние британских бомбардировщиков и немецкой противовоздушной обороны в годы Второй мировой войны. Это противостояние отмечено резкими перепадами фортуны, несмотря на отсутствие внезапно возросших расстояний, превосходящих возможности транспортировки, на отсутствие износа грузовиков, истощения лошадей, утомительных пеших переходов или иных физических затруднений подобного рода. Взамен циклы побед и поражений в воздухе над Германией определялись (замедленной) реакцией обеих сторон на успехи друг друга.

Командование люфтваффе в начале войны считало, что немецкие истребители, пусть обученные для поддержки наземных войск²⁶, смогут обеспечить противовоздушную оборону Германии вместе с зенитками в населенных пунктах и не позволят ни одной бомбе упасть на немецкие города. Но уже летом 1940 года обнаружилось, что немецкое командование ошибалось.

²⁶ То есть для схватки с истребителями противника, а также для атаки наземных сил при свете дня. См. *Williamson Murray, Strategy for Defeat* (1983), pp. 1—25.

Именно тогда командование британской авиации приказало приступить к ночным бомбежкам Германии. Исходно успехи были скромными, но рейды показали потенциальную неуязвимость бомбардировщиков: истребители люфтваффе не могли эффективно атаковать вражеские самолеты ночью, даже если те засекали и (приблизительно) отслеживали радары дальнего действия на земле²⁷. Лишь из-за малой бомбовой нагрузки английских бомбардировщиков немецкие города не понесли тяжелого ущерба в ходе этих налетов.

Поэтому к лету 1942 года британское командование пребывало в убеждении, что требуется всего-навсего обучение достаточного числа экипажей и производство достаточного числа бомбардировщиков для нанесения невосполнимого урона войскам Германии: ВВС одни способны обеспечить победу и не нуждаются ни в армии, ни во флоте. Увы, вместо сравнительно легкого проникновения в немецкое воздушное пространство, к концу 1942 года британцы столкнулись с запоздалой немецкой реакцией на свои прежние успехи. Значительно модернизированная система ПВО с большим количеством радаров лучшего качества, с новыми прожекторными барьерами, с первыми ночными истребителями (с радаром на борту) и большим числом зенитных орудий дала такой отпор, от которого британцы толком не оправились²⁸.

Удовлетворившись успехами своей радарной ПВО и не желая заимствовать дополнительную живую силу, самолеты и зенитки у фронтов, командование люфтваффе, в свою очередь, оказалось неготовым к реакции британцев, а именно к внедрению эффективных мер радиоэлектронной борьбы (РЭБ) против радаров – как наземных, так и воздушных. Итогом стало резкое возрастание эффективности ночных бомбардировок весной и летом 1943 года²⁹.

Проигрывая все больше и больше, немцы с их ночными истребителями, зачастую способными лишь к визуальному обнаружению цели, совершенно растерялись, когда британцы стали полностью слепить немецкие радары, применив в качестве контрмеры «оконные» отражатели (ныне – «мякина»), полосы из отражающей фольги, которые выбрасывались пачками в воздушный поток, чтобы создать иллюзорное изображение групп самолетов³⁰.

Примененные впервые в широких масштабах, чтобы усилить эффект неожиданности, «оконные» отражатели проложили дорогу к объединенным налетам ВВС Великобритании и США 24 июля – 3 августа 1943 года налеты на Гамбург. Великий город подвергся разрушению из-за первого в истории человечества рукотворного «огненного смерча»³¹.

Уверенное на тот момент в постоянном возрастании своей силы, поскольку в каждом следующем налете участвовало все больше лучших по качеству бомбардировщиков, в ноябре 1943

²⁷ Первая бомбардировка немецких объектов в Рурской области состоялась 15 мая 1940 г.; первый налет на Берлин совершили в ночь на 25 августа 1940 г. С начала войны в сентябре 1939 г. и по март 1940 г. британские бомбардировщики сбросили на врага всего 64 тонны бомб, причем целенаправленно воздерживались от бомбежки немецких городов, которые взамен засыпали пропагандистскими листовками. Со стороны громкое хвастовство Геринга казалось обоснованным, но после завершения «мнимой войны» и вторжения немцев во Францию, когда премьер-министром стал Черчилль, британцы увеличили размах бомбежек: 1668 тонн бомб в мае 1940 г., 2300 тонн в июне, 1257 тонн в июле (сокращение из-за потери передовых аэродромов), 1365 тонн в августе, 2339 тонн в сентябре 1940 г. См. *Charles Webster and Noble Frankland, The Strategic Air Offensive against Germany* (1961), I, 144, 152, и IV, 455; далее этот источник обозначается как SAO.

²⁸ В мае 1942 г. британские бомбардировщики совершили 2702 самолето-вылета, потеряв 114 самолетов и получив 256 серьезных повреждений; в июне – 4801 самолето-вылет с 199 потерянными и 442 поврежденными машинами; в июле количество вылетов сократилось до 3914, а потери составили 171 самолет при 315 поврежденных; в августе состоялось всего 2454 самолето-вылета (против 4242 в августе 1941 г.), 142 самолета было потеряно и 233 машины повреждено. См. SAO, IV, приложение 40, стр. 432; и *Alfred Price, Instruments of Darkness* (1977), стр. 55 и далее.

²⁹ Ежемесячное количество бомб, сброшенных бомбардировщиками, снизилось до 2714 тонн к декабрю 1942 г. после пикового уровня в 6845 тонн в июне; в 1943 г., напротив, за январскими 4345 тоннами последовали 10 959 тонн бомб в феврале, и далее тоннаж постоянно возрастал, а пик пришелся на август (20 149 тонн); в том же месяце общий тоннаж Восьмой армии ВВС США составил 3999 тонн. См. SAO, IV, приложение 44, стр. 456.

³⁰ «Окошками» в британском военном коде назывались металлические полосы, отражавшие лучи радара; американский термин появился позднее, но был принят повсеместно.

³¹ Эффект «огненного смерча» впервые описан в знаменитом докладе главы полиции Гамбурга от 1 декабря 1943 г. См. SAO, IV, приложение 30, стр. 310–315; и *Martin Middlebrook, The Battle of Hamburg* (1981), стр. 214–240.

года британское командование отдало приказ уничтожить Берлин так же, как был разрушен Гамбург. Но вместо очередной крупной победы британцы в рейдах на Берлин столкнулись с реакцией немцев на свои прежние успехи: командование люфтваффе предприняло ряд эффективных контрмер – использование радаров с более высокой частотой на ночных истребителях, хорошо защищенные от постановки помех, новая тактика дневных истребителей, пилоты которых использовали наземные пожары как фон, более совершенные радары обнаружения и слежения, а также значительно улучшенная методика «радионаведения» перехватчиков с земли.

Немецкие силы ПВО сделались опять настолько эффективными, что лишь привлечение бомбардировочных соединений союзников для ударов по французским железным дорогам в ходе подготовки ко «Дню Д» сумело замаскировать поражение британцев в «битве за Берлин», хотя шла уже весна 1944 года и Германия явно проигрывала войну. Причиненный налетами ущерб оказался незначительным, тогда как потери британских бомбардировщиков превышали приток новых самолетов и пилотов³²

---

³² Британцы потеряли 314 самолетов (еще 416 были повреждены) в январе 1944 г., 199 машин – в феврале (264 повреждено) и 283 машины в марте (402 повреждено). Этот уровень потерь был откровенно неприемлемым: в марте средняя доступность самолетов составляла 974 единицы. См. SAO, IV, приложение 40, стр. 433, и приложение 39, стр. 428.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.